Зигмунд Фрейд
Печаль и меланхолия

После того как сновидение послужило нам нормальным образцом нарциссических заболеваний, мы сделаем попытку осветить сущность меланхолии путем сравнения ее с нормальным аффектом печали. Но на этот раз мы должны наперед признаться, чтобы предупредить слишком высокую оценку наших результатов. Меланхолия, не имеющая точного определения и в описательной психиатрии, встречается в различных клинических формах, объединение которых в одну клиническую единицу не окончательно установлено; и из них одни скорее похожи на соматические заболевания, другие - на психогенные. Кроме впечатлений, доступных всякому наблюдателю, наш материал ограничивается небольшим количеством случаев, психогенная природа которых не подлежала никакому сомнению. Поэтому мы наперед отказываемся от всяких притязаний на то, чтобы наши выводы относились ко всем случаям, и утешаем себя соображением, что при помощи наших настоящих методов исследования мы едва ли можем что-нибудь найти, что не было бы типичным, если не для целого класса заболеваний, то, по крайней мере, для небольшой группы.

- 211

Сопоставление меланхолии и печали оправдывается общей картиной обоих состояний.1 Также совпадают и поводы к обоим заболеваниям, сводящиеся к влияниям жизненных условий в тех случаях, где удается установить эти поводы. Печаль является всегда реакцией на потерю любимого человека или заменившего его отвлеченного понятия, как отечество, свобода, идеал и т. п. Под таким же влиянием у некоторых лиц вместо печали наступает меланхолия, отчего мы подозреваем их в болезненном предрасположении. Весьма примечательно, что нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и обратиться к врачу для ее лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Меланхолия в психическом отношении отличается глубокой страдальческой удрученностью, исчезновением интереса к внешнему миру, потерей способности любить, задержкой всякой деятельности и понижением самочувствия, выражающимся в упреках и оскорблениях по собственному адресу и нарастающем до бреда ожидании наказания. Эта картина становится нам понятной, если мы принимаем во внимание, что теми же признаками отличается и печаль, за исключением только одного признака: при ней нет нарушения самочувствия. Во всем остальном картина та же. Тяжелая печаль - реакция на потерю любимого человека - отличается таким же страдальческим настроением, по

1 Также Abraham, которому мы обязаны самыми значительными из немногих аналитических исследований этого вопроса, исходил из такого сравнения. (Zentralblatt fur arztliche Psychoanalyse, II, 6, 1912).

- 212

терей интереса к внешнему миру - поскольку он не напоминает умершего, потерей способности выбрать какой-нибудь новый объект любви - что значило бы заменить оплакиваемого, отказом от всякой деятельности, не имеющей отношения к памяти умершего. Мы легко понимаем, что эта задержка и ограничение "Я" является выражением исключительной погруженности в печаль, при которой не остается никаких интересов и никаких намерений для чего-нибудь иного. Собственно говоря, такое поведение не кажется нам патологическим только потому, что мы умеем его хорошо объяснить.

Мы принимаем также сравнение, называющее настроение печали страдальческим. Нам ясна станет правильность этого, если мы будем в состоянии экономически охарактеризовать это страдание.

В чем же состоит работа, проделываемая печалью? Я полагаю, что не будет никакой натяжки в том, если изобразить ее следующим образом: исследование реальности показало, что любимого объекта больше не существует, и реальность подсказывает требование отнять все либидо, связанные с этим объектом. Против этого поднимается вполне понятное сопротивление, - вообще нужно принять во внимание, что человек нелегко оставляет позиции либидо, даже в том случае, когда ему предвидится замена. Это сопротивление может быть настолько сильным, что наступает отход от реальности и объект удерживается посредством галлюцинаторного психоза, воплощающего желание (см. предыдущую статью). При нормальных условиях победу одерживает уважение к реальности, но требование се не может быть немедленно исполнено. Оно приводится в исполнение частично, при большой трате времени и энергии, а до того утерянный объект продолжает существовать психически. Каждое из воспоминаний и ожиданий, в которых либидо было связано

- 213

с объектом, приостанавливается, приобретает повышенную активную силу, и на нем совершается освобождение либидо. Очень трудно указать и экономически обосновать - почему эта компромиссная работа требования реальности, проведенная на всех этих отдельных воспоминаниях и ожиданиях, сопровождается такой исключительной душевной болью. Замечательно, что эта боль кажется нам сама собою понятной. Фактически же по окончании этой работы печали "Я" становится опять свободным и освобожденным от задержек.

Применим теперь к меланхолии то, что мы узнали о печали. В целом ряде случаев совершенно очевидно, что и она может быть реакцией на потерю любимого человека. При других поводах можно установить, что имела место более идеальная по своей природе потеря. Объект не умер реально, но утерян как объект любви (например, случай оставленной невесты). Еще в других случаях можно думать, что предположение о такой потере вполне правильно, но нельзя точно установить, что именно было потеряно, и тем более можно предполагать, что и сам больной не может ясно понять, что именно он потерял. Этот случай может иметь место и тогда, когда больному известна потеря, вызвавшая меланхолию, так как он знает, кого он лишился, но не знает, что он в нем потерял. Таким образом, нам кажется естественным привести меланхолию в связь с потерей объекта, каким-то образом недоступной сознанию, в отличие от печали, при которой в потере нет ничего бессознательного.

При печали мы нашли, что задержка и отсутствие интереса всецело объясняется работой печали, полностью захватившей "Я". Подобная же внутренняя работа явится следствием неизвестной потери при меланхолии и потому она виновна в меланхолической задержке (Hemmung). Дело только в том, что ме

- 214

ланхолическая задержка производит на нас непонятное впечатление, потому что мы не можем видеть, что именно так захватило всецело больных. Меланхолик показывает нам еще одну особенность, которой нет при печали, необыкновенное понижение своего самочувствия, огромное обеднение "Я" (Ichverarmung). При печали обеднел и опустел мир, при меланхолии - само "Я". Больной рисует нам свое "Я" недостойным, ни к чему негодным, заслуживающим морального осуждения, - упрекает и бранит себя, ждет отвержения и наказания. Он унижает себя перед каждым человеком, жалеет каждого из своих близких, что тот связан с такой недостойной личностью. У него нет представления о происшедшей с ним перемене, и он распространяет свою самокритику и на прошлое, утверждая, что никогда не был лучше. Эта картина бреда преуменьшения - преимущественно морального - дополняется бессонницей, отказом от пищи и в психологическом отношении очень примечательным преодолением влечения, которое заставляет все живущее цепляться за жизнь.

Как в научном, так и в терапевтическом отношении было бы одинаково бесцельно возражать больному, возводящему против своего "Я" такие обвинения. В каком-нибудь отношении он должен быть прав, рассказывая что-то, что соответствует тому, как ему это

кажется. Некоторые из его указаний мы должны немедленно подтвердить без всяких ограничений. Ему действительно так чужды все интересы, он так неспособен любить и работать, как утверждает. Но, как мы знаем, это вторичное явление, следствие внутренней, неизвестной нам работы, похожей на работу печали, поглощающей его "Я". В некоторых других самообвинениях он нам также кажется правым, оценивающим настоящее положение только несколько более резко, чем другие немеланхолики. Если он в

- 215

повышенной самокритике изображает себя мелочным, эгоистичным, неискренним, несамостоятельным человеком, всегда стремившимся только к тому, чтобы скрывать свои слабости, то он, пожалуй, насколько нам известно, довольно близко подошел к самопознанию, и мы только спрашиваем себя, почему нужно сперва заболеть, чтобы понять такую истину. Потому что не подлежит никакому сомнению, что тот, кто дошел до такой самооценки и выражает ее перед другими - оценки принца Гамлета для себя и для всех других,1 - тот болен, независимо от того, говорит ли он правду или более или менее несправедлив к себе. Нетрудно также заметить, что между величиной самоунижения и его реальным оправданием нет никакого соответствия. Славная, дельная и верная до сих пор женщина в припадке меланхолии будет осуждать себя не меньше, чем действительно ничего не стоящая, И, может быть, у первой больше шансов заболеть меланхолией, чем у второй, о которой мы не могли бы сказать ничего хорошего. Наконец, нам должно броситься в глаза, что меланхолик ведет себя не совсем так, как нормально подавленный раскаянием и самоупреками. У меланхолика нет стыда перед другими, более всего характерного для такого состояния, или стыд не так уж резко проявляется. У меланхолика можно, пожалуй, подчеркнуть состояние навязчивой сообщительности, находящей удовлетворение в самообнажении.

Таким образом, неважно, настолько ли прав меланхолик в своем мучительном самоунижении, что его самокритика совпадает с суждением о нем других. Важнее то, что он правильно описывает свое психологическое состояние. Он потерял самоуважение, и,

1 Use every men after his desert, and who schould scape whipping? "Hamlet", II, 2.

- 216

конечно, у него имеется для этого основание; во всяком случае тут налицо противоречие, ставящее перед нами трудноразрешимую загадку. По аналогии с печалью, мы должны прийти к заключению, что он утратил объект; из его слов вытекает, что его потеря касается сто собственного "Я".

Прежде чем заняться этим противоречием, остановимся на мгновение на том, что открывается нам благодаря заболеванию меланхолика в конституции человеческого "Я". Мы наблюдаем у него, как одна часть "Я" противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом. Все дальнейшие наблюдения подтвердят возникающие у нас предположения, что отщепленная от "Я" критическая инстанция проявит свою самостоятельность и при других обстоятельствах. Мы найдем действительно достаточно основания отделить эту инстанцию от остального "Я". То, с чем мы тут встречаемся, представляет собой инстанцию, обыкновенно называемую совестью. Вместе с цензурой сознания и исследованием реальности мы причислим ее к важнейшим установлениям (Institutionen) и как-нибудь найдем доказательства тому, что эта инстанция может заболеть сама по себе. В картине болезни меланхолика выступает на первый план в сравнении с другими жалобами нравственное недовольство собой; физическая немощь, уродство, слабость, социальная малоценность гораздо реже является предметом самооценки; только обеднение занимает преимущественное положение среди опасений и утверждений больного.

Объяснение указанному выше противоречию дает наблюдение, которое нетрудно сделать. Если терпеливо выслушать разнообразные самообвинения меланхолика, то нельзя не поддаться впечатлению, что самые тяжелые упреки часто очень мало подходят к собственной личности больного, но при некоторых незна

- 217

чительных изменениях легко применимы к какому-нибудь другому лицу, которое больной любил, любит или должен был любить. Сколько раз ни проверяешь положение дела - это предположение всегда подтверждается. Таким образом получаешь в руки ключ к пониманию картины болезни, открыв в самоупреках упреки по адресу любимого объекта, перенесенные с него на собственное "Я".

Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности, в каком бы смысле это ни понималось. Нечего удивляться тому, что среди обращенных на себя мнимых самоупреков вплетены некоторые настоящие; они получили возможность выступить на первый план, так как помогают прикрыть другие и способствуют искажению истинного положения вещей; они вытекают из борьбы за и против любви, поведшей к утрате любви. Теперь гораздо понятнее становится и поведение больных. Их жалобы представляют из себя обвинения (Anklagen) в прежнем смысле этого слова; они не стыдятся и не скрываются, потому что все то унизительное, что они о себе говорят, говорится о других; они далеки от того, чтобы проявить по отношению к окружающим покорность и смирение, которые соответствовали бы таким недостойным лицам, как они сами; они, наоборот, в высшей степени сварливы, всегда как бы обижены, как будто по отношению к ним допущена большая несправедливость. Это все возможно потому, что реакции их поведения исходят еще из душевной направленности возмущения, переведенного посредством особого процесса в меланхолическую подавленность.

Далее не представляется трудным реконструировать этот процесс. Сначала имел место выбор объекта, привязанность либидо к определенному лицу; под

- 218

влиянием реального огорчения или разочарования со стороны любимого лица наступило потрясение этой привязанности к объекту. Следствием этого было не нормальное отнятие либидо от объекта и перенесение его на новый, а другой процесс, для появления которого, по-видимому, необходимы многие условия. Привязанность к объекту оказалась малоустойчивой, она была уничтожена, но свободное либидо не было перенесено на другой объект, а возвращено к "Я". Однако здесь оно не нашло какого-нибудь применения, а послужило только к идентификации (отождествлению) "Я" с оставленным объектом. Тень объекта пала, таким образом, на "Я", которое в этом случае рассматривается упомянутой особенной инстанцией так же, как оставленный объект. Следовательно, потеря объекта превратилась в потерю "Я", и конфликт между "Я" и любимым лицом превратился в столкновение между критикой "Я" и самим измененным, благодаря отождествлению, "Я".

Кое-что из предпосылок и результатов такого процесса можно непосредственно угадать. С одной стороны, должна была иметь место сильная фиксация на любимом объекте, а с другой стороны, в противоречие с этим, небольшая устойчивость привязанности к объекту. Это противоречие, по верному замечанию O. Rank'a, по-видимому, требует, чтобы выбор объекта был сделан на нарциссической основе, так что в случае, если возникают препятствия привязанности к объекту, эта привязанность регрессирует к нарциссизму. Нарциссическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, а это имеет следствием то, что, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана. Такая замена любви к объекту идентификацией образует значительный механизм в нарциссических забо

- 219

леваниях. R. Landauer недавно раскрыл его в процессе излечения шизофрении.1 Он соответствует, разумеется, регрессии определенного типа выбора объекта к первичному нарциссизму. В другом месте мы указали, что отождествление является предварительной ступенью выбора объекта и первый амбивалентный в своем выражении способ, которым "Я" выделяет какой-нибудь объект. "Я" хотело бы впитать в себя этот объект, соответственно оральной или каннибальной фазе развития путем пожирания его. В связи с этим Abraham

вполне правильно ставит отказ от приема пищи, который наступает в тяжелых формах меланхолического состояния.

Требуемый теорией вывод, который объясняет предрасположение к меланхолическому заболеванию или к частичной степени этого заболевания преобладанием нарциссического типа, к сожалению, не нашел еще подтверждения в исследованиях. Во вступительных строках к этой статье я признал, что эмпирический материал, на котором построено наше исследование, недостаточен для наших целей. Если же нам позволено будет допустить, что в будущем наблюдения подтвердят наши выводы, то мы не замедлили бы прибавить к характеристике меланхолии регрессию от привязанности к объекту на принадлежащую еще к нарциссизму оральную фазу либидо. Отождествления с объектом нередки, и при неврозах перенесения они составляют даже известный механизм образования симптомов, особенно при истерии. Но мы можем видеть различие между нарциссическим отождествлением и истерическим в том, что при первом привязанность к объекту отпадает, между тем как при втором она сохраняется и обычно проявляется в определенных отдельных дей

1 Internationale Zeitschrift fur arztliche Psychoanalyse, II, 1914.

ствиях и иннервациях. Во всяком случае, и при неврозах перенесения отождествление является выражением того общего, что означает любовь. Нарциссическое удовлетворение более первично и открывает нам путь к пониманию менее изученного истерического отождествления.

Меланхолия берет, таким образом, часть своих признаков у печали, а другую часть - у процесса регрессии с нарциссического выбора объекта. С одной стороны, меланхолия, как и печаль, является реакцией на реальную потерю объекта любви, но, кроме того, она связана еще условием, отсутствующим при нормальной печали или превращающим ее в патологическую в тех случаях, где присоединяется это условие. Потеря объекта любви представляет собою великолепный повод, чтобы пробудить и проявить амбивалентность любовных отношений. Там, где имеется предрасположение к неврозам навязчивости, амбивалентный конфликт придает печали патологический характер и заставляет ее проявиться в форме самоупреков в том, что сам виновен в потере любимого объекта, т. е. сам хотел ее. В таких депрессиях при навязчивых неврозах после смерти любимого лица перед нами раскрывается то, что совершает амбивалентный конфликт сам по себе, если при этом не принимает участия регрессивное отнятие либидо. Поводы к заболеванию меланхолией большей частью не ограничиваются ясным случаем потери вследствие смерти и охватывают все положения огорчения, обиды и разочарования, благодаря которым в отношения втягивается противоположность любви и ненависти, или усиливается существующая амбивалентность. Этот амбивалентный конфликт, иногда более реального, иногда более конституционного происхождения, всегда заслуживает внимания среди причин меланхолии. Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказыва

ются, нашла себе выход в нарциссическом отождествлении, то по отношению к этому объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, вследствие которой этот новый объект оскорбляется, унижается и ему причиняется страдание, и благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение. Самоистязание меланхолика, несомненно доставляющее ему наслаждение, дает ему точно так же, как соответствующие феномены при неврозах навязчивости, удовлетворение садистических тенденций и ненависти,1 которые относятся к объекту и таким путем испытали обращение на самого себя. При обоих заболеваниях больным еще удается обходным путем через самоистязание мстить первоначальным объектам и мучить любимых людей вследствие болезни, после того как они погрузились в болезнь, чтобы не проявить непосредственно свою враждебность к этим близким людям. Лицо, вызвавшее аффективное заболевание больного, и по отношению к которому болезнь ориентируется, можно обыкновенно найти среди самых близких лиц,

окружающих больного. Таким образом любовная привязанность меланхолика к своему объекту подверглась двоякой участи: отчасти она регрессировала до отождествления, а отчасти под влиянием амбивалентного конфликта она опустилась на близкую ему ступень садизма.

Только этот садизм разрешает загадку склонности к самоубийству, которая делает меланхолию такой интересной и такой опасной. В первичном состоянии, из которого исходит жизнь влечений, мы открыли такую огромную самовлюбленность "Я" в страхе, возникающем при угрожающей жизни опасности: мы видим освобождение такого громадного нарциссического

1 Относительно различия между обеими см. статью "Влечения и их судьба".

количества либидо, что мы не понимаем, как это "Я" может пойти на самоуничтожение. Хотя мы уже давно знали, что ни один невротик не испытывает стремления к самоубийству, не исходя из импульса убить другого, обращенного на самого себя. Но все же оставалось непонятным, благодаря игре каких сил такое намерение может превратиться в поступок. Теперь анализ меланхолии показывает нам, что "Я" может себя убить только тогда, когда благодаря обращению привязанности к объектам на себя, оно относится к себе самому как к объекту; когда оно может направить против себя враждебность, относящуюся к объекту и заменяющую первоначальную реакцию "Я", к объектам внешнего мира (см. "Влечения и их судьба"). Таким образом, при регрессии от нарциссического выбора объекта этот объект, хотя и был устранен, все же оказался могущественнее, чем само "Я". В двух противоположных положениях крайней влюбленности и самоубийства объект совсем одолевает "Я", хотя и совершенно различными путями.

Второй бросающийся в глаза признак меланхолии - страх обеднения легче всего свести к анальной эротике, вырванной из ее общей связи и регрессивно измененной.

Меланхолия ставит нас еще перед другими вопросами, ответ на которые нам отчасти неизвестен. В том, что через некоторый промежуток времени она проходит, не оставив явных, грубых изменений, она схожа с печалью. В случае печали мы нашли объяснение, что с течением времени лице, погруженное в печаль, вынуждено подчиниться необходимости подробного рассмотрения своих отношений к реальности, и после этой работы "Я" освобождает либидо от своего объекта. Мы можем себе представить, что "Я" во время меланхолии занято такой же работой; здесь, как и в том случае, у нас нет понимания процесса с экономической точки зре

ния. Бессонница при меланхолии показывает неподатливость этого состояния, невозможность осуществить необходимое для погружения в сон прекращение всех интересов. Меланхолический комплекс действует как открытая рана, привлекает к себе энергию всех привязанностей (названных нами при неврозах перенесения "противодействием" (Gegenbesetzung)) и опустошает "Я" до полного обеднения. Он легко может устоять против желания спать у "Я". В регулярно наступающем к вечеру облегчении состояния проявляется, вероятно, соматический момент, не допускающий объяснения его психогенными мотивами. В связи с этим возникает вопрос, не достаточно ли потери "Я" безотносительно к объекту (чисто нарциссическое огорчение "Я"), чтобы вызвать картину меланхолии, не могут ли некоторые формы этой болезни быть вызваны непосредственно токсическим обеднением "Я" либидо? Самая примечательная и больше всего нуждающаяся в объяснении особенность меланхолии - это ее склонность превращаться в симптоматически противоположное состояние мании. Как известно, не всякая меланхолия подвержена этой участи. Некоторые случаи протекают периодическими рецидивами, а в интервалах или не замечается никакой мании, или присутствует самая незначительная маниакальная окраска. В других случаях наблюдается та правильная смена меланхолических и маниакальных фаз, которая нашла свое выражение в установлении циклической формы помешательства. Хочется видеть в этих случаях исключения, не допускающие психогенного понимания

болезни, если бы психоаналитическая работа не привела именно в большинстве этих заболеваний к психологическому разъяснению болезни и терапевтическому успеху. Поэтому не только допустимо, но даже необходимо распространить психоаналитическое объяснение меланхолии также и на манию.

- 224

Я не могу обещать, что такая попытка окажется вполне удовлетворительной. Пока она не идет дальше возможности первой ориентировки. Здесь у нас имеются два исходных пункта: первый психоаналитическое впечатление, второй - можно прямо сказать - вообще опыт экономического подхода. Впечатление, полученное уже многими психоаналитическими исследователями, состоит в том, что мания имеет то же содержание, что и меланхолия, что обе болезни борются с тем же самым "комплексом", который в меланхолии одержал победу над "Я", между тем как в мании "Я" одолело этот комплекс или отодвинуло его на задний план. Второй пункт представляет собою тот факт, что все состояния радости, ликования, триумфа, являющиеся нормальным прообразом мании, вызываются в экономическом отношении теми же причинами. Тут дело идет о таком влиянии, благодаря которому большая, долго поддерживаемая или ставшая привычной трата психической энергии становится, в конце концов, излишней, благодаря чему ей можно дать самое разнообразное применение и открываются различные возможности ее израсходования: например, если какой-нибудь бедняк, выиграв большую сумму денег, вдруг освобождается от забот о насущном хлебе, если долгая мучительная борьба, в конце концов, увенчивается успехом, если оказываешься в состоянии освободиться от давящего принуждения или прекратить долго длящееся притворство и т. п. Все такие моменты отличаются повышенным настроением, признаками радостного аффекта и повышенной готовностью ко всевозможным действиям, совсем как при мании, и в полной противоположности к депрессии и задержке при меланхолии. Можно смело сказать, что мания представляет из себя не что иное, как подобный триумф; но только от "Я" опять-таки скрыто, что

- 225

оно одолело и над чем празднует победу. Таким же образом можно объяснить и относящееся к этому же разряду состояний алкогольное опьянение, поскольку оно радостного характера. При нем, вероятно, дело идет о прекращении траты энергии на вытеснение, достигнутое токсическим путем. Расхожее мнение утверждает, что в таком маниакальном состоянии духа становишься потому таким подвижным и предприимчивым, что появляется "хорошее" настроение. От этого ложного соединения придется отказаться. В душевной жизни осуществилось упомянутое выше экономическое условие, и потому появляется, с одной стороны, такое радостное настроение, а с другой - такое отсутствие задержек в действии.

Если мы соединим оба наметившиеся тут объяснения, то получим: в мании "Я" преодолело потерю объекта (или печаль из-за потери, или, может быть, самый объект), и теперь оно располагает всей суммой противодействующей силы, которую мучительное страдание меланхолии отняло от "Я" и сковало. Маниакальный больной показывает нам совершенно явно свое освобождение от объекта, из-за которого страдал, тем, что с жадностью очень голодного набрасывается на новые привязанности к объектам.

Это объяснение кажется вполне приемлемым, но, во-первых, оно страдает неточностью, а во-вторых, вызывает столько новых вопросов и сомнений, что мы не в состоянии на все ответить. Мы не отказываемся от обсуждения этих вопросов, хотя и не надеемся при помощи этой дискуссии найти путь к разъяснению их.

Во-первых, нормальная печаль также преодолевает потерю объекта и также поглощает всю энергию "Я" на то время, пока она держится. Почему же не создается при нормальной печали экономического условия для фазы триумфа, хотя бы в самой слабой форме, после того как печаль прошла? Я нахожу

- 226

невозможным вкратце ответить на это возражение. Оно обращает наше внимание на то,

что мы не можем даже сказать, какими экономическими средствами печаль разрешает свою задачу; но, может быть, тут поможет нам одно предположение. По поводу каждого отдельного воспоминания и ожидания, в котором проявляется привязанность либидо к потерянному объекту, реальность выносит свой приговор, что объект этот больше не существует, и "Я", как бы поставленное перед вопросом - хочет ли оно разделить ту же участь, всей суммой нарциссических удовлетворений, благодаря сохранению своей жизни, вынуждено согласиться на то, чтобы разорвать свою связь с погибшим объектом. Можно себе представить приблизительно, что этот разрыв происходит так медленно и постепенно, что по окончании этой работы оказывается израсходованной вся необходимая для нее энергия.1

Очень соблазнительно, принимая во внимание работу печали, искать путь к изображению меланхолической работы. Но тут мы сперва натыкаемся на некоторую неуверенность. До сих пор мы почти не принимали во внимание топической точки зрения при меланхолии и не поднимали вопроса, в какой и между какими психическими системами происходит работа меланхолии. Какие из психических процессов этого заболевания разыгрываются еще с оставленными бессознательными привязанностями к объектам (Objektbesetzungen) и какие процессы протекают над заменяющим их отождествлением с "Я"?

1 Экономическая точка зрения до настоящего времени мало принималась во внимание в психоаналитических работах. Как на исключение можно указать на статью V. Tausk'a: "Entwertung des Verdrangungsmotives durch Recompenses". Internat. Zeitschrift fur arztl. Psychoanalyse, I.

Легко сказать и не труднее написать, что "бессознательные представления (вещей) объекта лишены либидо". Но в действительности это представление заменено бесчисленным количеством отдельных впечатлений (бессознательными следами его), и выполнение этого процесса отнятия либидо не может быть быстрым делом, а, несомненно, как и при печали, представляет из себя длительный, постепенно продвигающийся процесс. Трудно различить, начинается ли он во многих местах одновременно или протекает в каком-либо определенном порядке; при анализах часто можно установить, что оживают то одни, то другие воспоминания и что однообразные утомительные в своей монотонности жалобы меланхолика всякий раз имеют другую бессознательную причину. Если объект не имеет для "Я" такого большого, такого усиленного тысячами связей значения, то потеря его не может вызвать печали или меланхолии. Признак постепенного по частям отделения либидо нужно приписать в равной мере как меланхолии, так и печали. Он, вероятно, основывается на одинаковых экономических условиях и служит тем же тенденциям.

Однако, как мы слышали, меланхолия имеет несколько большее содержание, чем печаль. Отношение к объекту у нее не такое простое - оно усложняется амбивалентным конфликтом. Амбивалентность или конституциональна, т. е. она присуща всем любовным отношениям данного "Я", или же она вытекает из тех переживаний, с которыми связана угроза потери объекта. Поводы к меланхолии могут быть поэтому гораздо более обширны, чем к печали, которая обыкновенно вызывается только реальной потерей - смертью объекта. При меланхолии разыгрывается таким образом бесконечное количество отдельных сражений из-за объекта, в которых происходит борьба между ненавистью и любовью, в одних случаях, чтобы отнять

либидо от объекта, в других, чтобы удержать против натиска позиции либидо. Эти отдельные сражения мы можем поместить только в систему Ubw в область следов вещественных воспоминаний (в противоположность активности словесных представлений). Там же разыгрываются попытки отнятия либидо и при печали, но при ней не имеется никаких препятствий к тому, чтобы эти процессы продолжались нормальным путем и через Ubw достигали сознания. Этот путь закрыт для меланхолической работы, может быть,

вследствие большого числа причин или одновременного их действия. Конституционная амбивалентность сама по себе принадлежит к вытесненному, травматические же переживания с объектом могут активировать другое вытесненное. Таким образом, все в этой амбивалентной борьбе остается вне сознания до тех пор, пока не наступает характерный для меланхолии исход. Как мы знаем, он состоит в том, что угрожаемая привязанность либидо, наконец, оставляет объект, но только для того, чтобы вернуться на место "Я", из которого оно исходило. Благодаря бегству к "Я", любовь была избавлена от полного уничтожения. После этой регрессии либидо процесс может стать сознательным и представляется сознанию как конфликт между частью "Я" и критической инстанцией.

То, что сознание узнает о меланхолической работе, не составляет, следовательно, существенную часть ее и не ту часть, которой мы приписываем влияние на разрешение страданий. Мы видим, что "Я" обесценилось и негодует против себя и понимает так же мало, как и сам больной, к чему это может повести и как это может измениться. Скорее мы можем приписать такую деятельность бессознательной части работы, потому что нетрудно найти существенную аналогию между работой меланхолии и работой печали. Подобно тому, как печаль вынуждает "Я" отказаться

- 229

от объекта, объявляя объект мертвым, а "Я", предлагая премию сохранения жизни, так и каждое отдельное амбивалентное сражение ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его, унижая, как бы убивая. Может случиться, что процесс закончится в Ubw или после того как утихла ярость, или после того как объект оставлен как не имеющий никакой цены. Мы не можем обнаружить, какой из этих двух возможностей, как правило, или в большинстве случаев, приписать окончание меланхолии и какое влияние такое окончание имеет на дальнейшее течение случая. "Я" при этом испытывает удовлетворение от того, что в состоянии признать свое превосходство над объектом.

Если мы и примем такое понимание меланхолической работы, то она все же не может нам дать того, что мы собирались объяснить. Наше желание вывести экономическое условие возникновения мании по окончании меланхолии из амбивалентности, господствующей в этой болезни, могло бы основываться на аналогиях с различными другими областями; но мы должны склониться перед одним фактом. Из трех предпосылок меланхолии: потери объекта, амбивалентности и регрессии либидо на "Я", мы встречаем оба первые условия при навязчивых упреках в случае смерти. В этих случаях амбивалентность является двигающей силой конфликта, и наблюдение показывает, что после того, как конфликт разрешился, не остается ничего, похожего на триумф маниакального настроения. Это показывает нам, что единственно действительным является третий момент. То накопление связанной сначала энергии, которая освобождается по окончании меланхолической работы и делает возможной наступление мании, должно находиться в связи с регрессией либидо к нарциссизму. Конфликт в "Я", которым меланхолия заменила борьбу за объект, дол

- 230

жен оказать действие болезненной раны, которая требует необыкновенно большого противодействия. Но здесь будет вполне целесообразно остановиться и отложить дальнейшее разъяснение мании, пока мы не научимся понимать экономическую природу сначала телесной, а затем и аналогичной ей душевной боли. Мы уже знаем, что общая связь запутанных душевных проблем вынуждает нас прервать, не закончив, всякое исследование до того момента, пока нам не придут на помощь результаты другого исследования.

- 231

ПРИМЕЧАНИЕ. Номера страниц в данном тексте указаны так, как даны в книге.

Текст печатается по изданию: Зигмунд ФРЕЙД. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа: Сборник. СПб., "Алетейя", 1998. / Фрейд З. Печаль и меланхолия. С 211 - 231.